

Шёлк,
ставший парусом

Вестмира Чернолист

18+

Вестмира Чернолист
Шёлк, ставший парусом

«Автор»

2026

Чернолист В.

Шёлк, ставший парусом / В. Чернолист — «Автор», 2026

Преданная близкими и проданная в рабство, Сюэ Лань вернулась в родной Линьхай десять лет спустя. Теперь она — Фэн Хуан, грозный капитан пиратов, ведомый жаждой мести. Но на первом же маскараде имперский следователь Ли Вэй срывает с неё маску и узнает в дерзкой пиратке свою исчезнувшую невесту. Опасный союз неизбежен, ведь чужое царство стягивает флот к границам, а на саму Фэн Хуан объявлена охота: в её руках артефакт, способный переломить ход грядущей войны. На кону судьба империи. Но что окажется сложнее: провести флот сквозь смертельную ловушку или понять, кем они с Ли Вэем стали друг другу за это время? Азиатский антураж, сложные герои и многослойные интриги.

© Чернолист В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
1. Фонари сада и тени прошлого	6
2. Маска Лунного Духа и Волк	10
3. Взгляд, узанный сквозь маску	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Шёлк, ставший парусом

От автора

События этой книги разворачиваются в полностью вымышленном мире, вдохновлённом эстетикой, культурным колоритом и историческим фоном средневекового Китая. Все имена, иероглифы, географические названия и их смысловые значения в этом произведении являются авторской интерпретацией и художественным вымыслом, а не филологической, исторической или картографической истиной. Они созданы исключительно ради атмосферы и сюжета.

Прошу читателей не рассматривать их как достоверный источник по китайской ономастике, иероглифике или географии. Автор выражает глубокое уважение к реальному культурному наследию, послужившему источником вдохновения, но подчёркивает: перед вами художественное произведение, а не историческая реконструкция или академический труд. Любые совпадения с реальными лицами, топонимами или лингвистическими нормами случайны.

Пусть эта история станет для вас ярким приключением. Приятного чтения!

1. Фонари сада и тени прошлого

*Слеза дракона не делит воду на свою и чужую — она лишь меняет её цвет.
Крыло феникса не спрашивает, откуда дует ветер — оно лишь ловит его.
Когда глубина встречает высоту, даже шторм становится союзником.
— Из «Морских напевов», анонимный поэт*

Фэн Хуан ступила на причал Линьхая. Резкий летний ветер с залива, тяжёлый от влаги, трепал складки её простого синего халата, перехваченного в поясе широким кожаным ремнём. Её волосы, собранные в небрежный узел, пронзала простая медная шпилька, больше похожая на стилет. Взгляд, холодный и отстранённый, скользнул по холмам, где среди облаков и кедров прятались изогнутые крыши и белые стены вилл знати. На её устах, обветренных солёными ветрами, дрогнула тень усмешки. Когда-то этот город был для неё синонимом мира и гармонии.

Здесь она была Сюэ Лань — юной наследницей торгового дома Сюэ, чья жизнь текла, как размеренное течение реки. Она росла в роскоши, окружённая шелками и ароматом цветущей сливы, и готовилась обручиться с Ли Вэем, отпрыском влиятельной семьи. Будущее виделось ей идеальным свитком, где каждая линия была ясна и прекрасна.

Но в один весенний день, когда пионы во дворе только начинали распускаться, судьба нанесла свой первый удар. С моря пришла весть: торговая флотилия дома Сюэ была уничтожена свирепым тайфуном в проливе Глотка Дракона. Никто не выжил. Ни отец, ни мать, ни её шаловливый младший брат. В тот день Сюэ Лань подумала, что её сердце разорвётся от скорби. Она не знала, что это было лишь начало и что самое страшное ещё впереди.

Весть о гибели дома Сюэ пронеслась по Линьхаю быстрее, чем полет боевого коршуна. И тут же, словно змеи, выползли из своих укрытий те, кто жаждал поживиться. Тётка Инлун, чья зависть к богатству брата годами отравляла её душу, начала действовать. В сговоре со своим коварным мужем, Цзи Кэдао, она совершила немыслимое — продала родную племянницу в рабство, чтобы не делить наследство.

Чтобы замести следы, Инлун развязала настоящую войну из тени. Сначала город наводнили слухи, будто Сюэ Лань навлекла гнев морского дракона своим непочтением. Затем, когда почва была подготовлена ложью, пошли иные сплетни: мол, Сюэ Лань — лишённая стыда девка, что в дни траура предавалась утехам с кем попало, а в итоге сбежала с каким-то бродячим воином, опозорив свой клан.

Семья Ли, дабы не запятнать свою честь, немедленно разорвала помолвку. А чтобы укрепить пошатнувшееся положение, они поспешили заключить новый союз — с могущественным военным домом Ван, скрепив его брачными узами.

— Фэн-ван! — раздался рядом почтительный голос. Бай Ин, лёгкий, как тень, возник по правую руку от капитана. Его взгляд, горящий азартом, жадно скользнул по холмам, утопающим в зелени.

— Отсюда видно тот дом, в который мы наведаемся через три дня? — его вопрос прозвучал тихо, но с отчётливым оттенком нетерпения.

Фэн Хуан не повернула головы. Её взгляд, острый как игла, впился в одну точку на восточном склоне. Там, среди рощ, стоял величественный особняк с изогнутыми крышами. Когда-то в его стенах звучал её смех. Теперь же там вот уже десять лет, как гнездится её тётка Инлун с семьёй. Пальцы Фэн Хуан невольно сжались в кулаки с такой силой, что под грубой кожей ладоней проступила белизна костяшек.

— Нет, — отрезала она, с интонацией командира, не терпящего возражений. Она механически поправила прядь волос, выбившуюся из небрежного пучка. — Но завтра мы обязательно прогуляемся неподалёку.

На её губах застыла холодная, отточенная усмешка, в которой не было и тени веселья. Этого было достаточно для Бай Ина. Юноша, словно получив долгожданную команду, бодро зашагал вперёд, оставив капитана наедине с её мыслями и молчаливой громадой Лао Хэя.

— Слишком он горяч, Дацзе, — проворчал Лао Хэй, тяжёлой поступью поравнявшись с Фэн Хуан. В его хриплом голосе слышалась не столько критика, сколько отеческая забота.

Уголки губ женщины дрогнули в едва заметной улыбке. Лишь горстка людей на всём свете могла называть её «старшей сестрой». Те, кто прошёл с ней путь от трюмной рабыни до капитана, кто сражался с ней плечом к плечу и кому она была обязана жизнью.

— Зато эффективен, — парировала она, не отрывая взгляда от холмов. — Бывший уличный актёр и плут. Кто, как не он, сумеет устроить настоящий спектакль и отвлечь всех на маскараде в поместье Ли?

— Ты права, — усмехнулся старый морской волк, и в его глазах мелькнуло одобрение. — Плуту и карты в руки.

Фэн Хуан надела шляпу, из-под полей которой ниспадала лёгкая вуаль, скрывающая черты её лица, но не скрывающая пронизывающего взгляда, и лишь тогда уверенной походкой двинулась вперёд в сопровождении Лао Хэя. В её распоряжении было всего три дня. Три дня, чтобы подготовиться к «Ночи Огненных Лотосов» — тому самому маскараду, где предстояло разыграть главное представление. Три дня, чтобы продумать, как похитить те самые веера — «Танец Феникса и Дракона», инкрустированные лунным жемчугом. Лишь под особым светом на их поверхности проявлялась тайная карта, что вела к легендарному артефакту, известному как «Слеза Морского Дракона». И те же три дня, чтобы подготовиться к встрече с хозяином поместья, где всё это должно было случиться, — с Ли Вэем, её бывшим женихом.

Ли Вэй стоял в прохладной тени беседки, наблюдая за последними приготовлениями к «Ночи Огненных Лотосов». Его взгляд, отрешённый и невидящий, скользил по центральному озеру сада, где на зеркальной глади замерли бамбуковые плотики. На каждом из них, словно ритуальное подношение, возвышалась медная чаша — чтобы с наступлением темноты принять в себя очищающее пламя.

Его внимание перебросилось на деревья у воды, где слуги, словно паутиной, опутывали ветви тонкой серебряной нитью с хрустальными каплями. На невидимых лесках уже покачивались шёлковые силуэты журавлей и карпов, готовые ожить в игре вечернего света. Он знал: стоит солнцу скрыться, и сад превратится в завораживающий мираж, полный бликов и теней. Но мысли Ли Вэя витали далеко от этой искусственной магии, уносясь в глубины, куда не достигал свет ни одного фонаря.

Сцепив руки за спиной, Ли Вэй запрокинул голову. Над ним бездонная лазурь неба замерла в величественном спокойствии, и лишь тяжёлые, белые облака, словно клубы дыма от неугасимых курильниц, медленно плыли в неизвестность.

Губы его искривила безрадостная усмешка. Вся его жизнь за последние десять лет будто истончилась, выпцвела, словно старый свиток, оставив лишь оттенки серого. Он и сам стал холоден и безразличен, как каменная глыба. Должность следователя по особым поручениям, облекавшая его властью, требовала именно этого — железной беспристрастности и расчётливого ума стратега. Расследование коррупции чиновников, пресечение контрабандных путей, раскрытие заговоров аристократических кланов — всё это было его повседневной работой. Как, впрочем, и вопросы пиратства.

А пираты в последнее время заметно активизировались. Именно это и заставило Ли Вэя перебраться из Луньганя, столицы царства Цзиньлин, в родной Линьхай — чтобы лично заняться обороной города от их дерзких налётов. К тому же, отсюда было куда удобнее наблюдать за коварным соседом — царством Шуйцзэ.

Шуан, жена Ли Вэя, не поехала с ним, сославшись на недомогание, вызванное беременностью. Ли Вэй не стал настаивать. Он отлично понимал истинную причину: Шуан не питала к нему ни капли чувств, ровно как и он к ней.

В первые годы брака он ещё пытался — пытался найти к ней подход, понять её замкнутый характер, разжечь в своём сердце хотя бы искру привязанности. Но все его попытки разбивались о ледяное спокойствие супруги. Никакой душевной близости между ними так и не возникло. На людях они были образцовой парой — улыбки, учтивость, согласие. Но за стенами их дома маски немедленно падали, обнажая лишь тишину и сосуществование по расписанию.

Они оба не уклонялись от супружеского долга. Их брак с самого начала был политическим союзом, и эту игру приходилось вести до конца. Главной её целью, долгом перед кланами, было рождение наследника. Вся их личная пустота была лишь ценой за выполнение условий этой сделки.

— Господин, все готово, — почтительно доложил слуга, сложив руки в традиционном приветствии и склонившись в низком поклоне. Ли Вэй не обернулся, лишь коротко кивнул, не отрывая взгляда от сада.

— Список гостей? — спросил он, глядя вперёд.

— Здесь, — слуга бережно протянул несколько сшитых вместе листов бумаги.

Ли Вэй принял книгу гостей и раскрыл её. Его взгляд скользил по строчкам с именами и титулами, не задерживаясь — скучающий и безразличный. Так продолжалось, пока на следующей странице его глаза не зацепились за короткий, но до боли знакомый слог:

— Лань?! — имя вырвалось у него громче, чем он предполагал, заставив вздрогнуть даже его самого. Он на мгновение оторвался от списка, тряхнув головой, будто отгоняя наваждение.

— Что-то не так, господин? Это нежеланный гость? — осмелился уточнить слуга.

Ли Вэй ответил не сразу. Он провёл тыльной стороной ладони по глазам и снова взгляделся в иероглифы: «Лань Синьюэ, дочь торговца шёлком, данника клана Ли». Тихий, почти неслышный выдох сорвался с его губ.

— Нет, всё в порядке, — произнёс он ровно, перелистывая страницу. Это была не та Лань. Не Сюэ Лань, чей образ он все эти годы хранил в глубине сердца, как заветную реликвию. Он так и не узнал, куда она исчезла тогда и что с ней случилось. Даже его многочисленные связи и рыскающие повсюду шпионы не смогли отыскать и следа. Он так и не простил себе, что не сумел её найти, не смог очистить её имя. Внезапное бегство девушки и грязные слухи, поползшие по городу следом, всегда казались ему бессмысленными, лживыми. Но доказать это он не сумел.

Ли Вэй вернул книгу слуге, отдав распоряжение усилить охрану у входа и тщательно проверять каждого гостя. Слуга склонился в церемониальном поклоне и удалился.

Лишь когда он остался один, в тишине беседки прозвучал сдавленный шёпот:

— Где же ты, Сюэ Лань?

Он простоял так ещё несколько мгновений, наблюдая за суетящимися слугами, но уже не видя их. Лишь когда до начала праздника оставалось совсем немного, он наконец развернулся и медленно направился к дому, чтобы и самому подготовиться к долгой ночи.

2. Маска Лунного Духа и Волк

Фэн Хуан потратила три дня на подготовку, и каждый миг был отдан оттачиванию дерзкого плана. Её цель — пара вееров «Танец Феникса и Дракона», которые предстояло выкрасть во время маскарада в поместье Ли. План был продуман до мелочей и напоминал изящный танец, где каждый шаг должен быть выполнен безупречно.

Всё началось с разведки. Бай Ин, ловкий и незаметный, проник в поместье под видом слуги, доставившего праздничный заказ. Следующей его целью стала городская управа, где за щедрую плату чиновник, отвечающий за гостевые списки, внёс в них нужное имя — Лань Синьюэ. Такая девушка действительно существовала: дочь торговца шёлком из далёкой провинции, прибывшая в Линьхай по семейным делам. К маскараду в поместье Ли она, конечно, не имела никакого отношения, но благодаря золоту приглашение теперь лежало в руках Фэн Хуан.

Затем настала пора позаботиться о внешнем виде. Фэн Хуан и Бай Ин должны были оказаться на празднике, тогда как Лао Хэй оставался снаружи для подстраховки. Для Бай Ина подготовили два костюма: первый — скромный наряд слуги, сопровождающего госпожу Лань, а второй — одеяние молодого аристократа с маской лисы, в которое он переоденется, едва окажется внутри. Сама Фэн Хуан выбрала образ лунного духа — таинственный и не привлекающий излишнего внимания.

В разгар веселья Бай Ин должен был обратить на себя всеобщее внимание, и Фэн Хуан не сомневалась в нём. Его актёрское мастерство не уступало ловкости рук, и устроить небольшой, но эффектный спектакль для него было сущим пустяком. Пока гости и хозяева будут увлечены действием, Фэн Хуан проникнет в кабинет Ли Вэя — туда, где хранились заветные веера. А затем исчезнет, словно её и не было, растворившись в предрассветной дымке.

— Фэн-ван, вы сегодня... особенно прекрасны, — голос Бай Ина за спиной прозвучал тихо и почтительно.

Фэн Хуан стояла перед зеркалом, завершая приготовления. Бай Ин всегда видел в капитане сильную и привлекательную женщину, но сейчас, в костюме лунного духа, она казалась ему спустившейся с небес богиней — недостижимой и загадочной.

Её наряд состоял из многослойного платья цвета утреннего тумана, оттенённого лавандой. Внешний халат из плотного шёлка был украшен тончайшей серебряной вышивкой: ветви цветущей сливы, едва заметные при дневном свете, но готовые засиять в отсветах ночных фонарей. Крой платья, выполненный по последней столичной моде, мягко подчёркивал изящные линии её фигуры, не стесняя движений. Длинные рукава, скрывавшие кисти рук, струились мягкими складками. Причёска — сложная, но лишённая вычурности, с несколькими искусно выпущенными прядями, обрамлявшими лицо, — выдавала в ней знатную даму. В

волосах поблёскивали серебряные шпильки с каплями аметиста. В руках она держала фарфоровую маску лунного духа с позолотой по краям, украшенную мельчайшим жемчугом и перламутровыми лепестками.

Лёгкая улыбка тронула её губы, но до глаз не дошла. Взгляд оставался прямым, тяжёлым и оценивающим — в нём читалась вечная бдительность и та самая несгибаемая воля, что позволила ей подняться со дна бездны. Она повернулась к Лао Хэю и Бай Ину, поднимая маску.

— Пора.

Поместье Ли окутала праздничная атмосфера. Несмотря на усилившуюся охрану у входа, ничто не нарушало безмятежного настроения. Стоило гостям переступить порог, как они попадали в другой мир — утончённый и завораживающий.

Дорожки, ведущие к озеру и Нефритовому павильону, были обрамлены невысокими каменными фонарями. В них горели масляные светильники, пропитанные ароматическими маслами, чей мягкий свет струился вниз, озаряя путь, но не мешая любоваться звёздным небом.

— Поразительно!

— Как прекрасно!

— Господин Ли превзошёл сам себя!

Гости, перешёптываясь, двигались к центру празднества. Деревья у озера, украшенные хрустальными подвесками и серебряными нитями, мерцали в темноте, словно ином или паутиной, сотканной духами. Повсюду были расставлены лёгкие бамбуковые ширмы, увешанные пучками ароматных трав и высушенными цитрусами. Лёгкий ветерок с озера доносил их свежий, бодрящий запах, смешиваясь с дымом сандала, струящимся из павильона. Шёлковые рыбы и журавли, подвешенные на почти невидимых лесках, казались парящими в воздухе ожившими тенями.

Но главным чудом было озеро, покрытое сотнями плавучих лотосов-фонариков из тончайшей рисовой бумаги. Одни горели ровным золотистым светом, другие же, благодаря хитроумному механизму из воска и фитиля, медленно пульсировали, создавая иллюзию дыхания гигантского подводного существа. И где-то среди этого волшебства негромко звучали мелодии музыкантов, пока лишь настраивающих инструменты для предстоящего праздника.

— Господин, гости собрались, — почтительно напомнил слуга, застыв у порога.

Ли Вэй в костюме снежного волка стоял у окна, наблюдая, как пёстрая толпа медленно стекалась к озеру, направляясь к Нефритовому павильону. На его губах на мгновение застыла горькая усмешка. Сегодня всё — от аромата благовоний до далёкого перезвона колокольчиков — настойчиво возвращало его в прошлое, которое уже не вернуть. Оно витало здесь, как навязчивый призрак, и Ли Вэй, несмотря на всю свою выдержку, не мог отогнать назойливые видения. Особенно упорными были мысли о Сюэ Лань.

Он на мгновение закрыл глаза, словно пытаясь стереть её образ, затем резко развернулся к слуге.

— Начинай, — прозвучало твёрдо и бесстрастно, без единой нотки в голосе.

— Слушаюсь. — Слуга склонился в почтительном поклоне и бесшумно удалился.

Ли Вэй остался в одиночестве, к которому давно привык. Тишина в зале была звенящей, и лишь приглушённый гул праздника доносился извне. Сделав глубокий вдох, он решительным шагом направился к двери. Тяжёлые складки его костюма мягко шелестели при ходьбе. Уже через мгновение его прямая и строгая фигура появилась на пороге Нефритового павильона — как раз в тот момент, когда церемониймейстер возвещал о начале торжества.

Воздух в павильоне был густ и сладок от дыма сандаловых палочек. Мягкий свет тысяч бумажных фонариков тонул в шелках цвета закатного солнца и золота, смягчая контуры и приглушая краски. Под высоким потолком стоял негромкий гул голосов, пронизанный напряжённым ожиданием. Внезапно музыка смолкла.

Из глубины зала бесшумно проплыла высокая фигура в длинных одеждах и маске мудрого Белого Журавля с позолоченным клювом. Он взошёл на невысокое сандаловое возвышение в центре павильона, держа в руках церемониальный посох из чёрного дерева, увенчанный резным нефритовым лотосом. Все взоры обратились к нему. Воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь трепетом пламени в бронзовых жаровнях.

— Почтенные гости, духи предков, хранители этого крова!

Его голос, низкий и ясный, без усилия заполнил пространство.

— Мы собрались в ночь, когда небесный свод становится тонок, как лепесток, а граница между мирами — зыбкой, как рябь на воде. «Ночь Огненных Лотосов» — время, когда прошлое и будущее говорят с нами одним голосом, а маски призваны обнажить ваши истинные сердца.

Он медленно повернулся, и его маска-журавль, казалось, смотрела на каждого.

— Пусть пламя, что мы зажигаем, станет путеводной нитью для душ, скитающих в тьме. Пусть каждый шёпот донесёт до вас предсказание, а каждая встреча изменит вашу жизнь. Будьте же бдительны к знакам и открыты для чуда.

С этими словами он опустил конец посоха в пламя жаровни. На нефритовом лотосе вспыхнул чистый огонёк.

— Да будет этот свет маяком для всех, кто жаждет истины! Да начнётся великий Танец Масок!

Широким жестом он указал посохом на выход в сад. В тот же миг музыканты ударили по струнам гучжэна, и вступила флейта — томно, зазывно и торжественно. Поток гостей в масках устремился из павильона в залитый лунным светом сад, где на воде их уже ждали тёмные силуэты плотиков с медными чашами.

Пока церемониймейстер вёл церемонию, Ли Вэй стоял в тени колонны, неподвижный и наблюдательный. Его взгляд, отточенный годами расследований, медленно скользил по толпе, выхватывая детали: сдержанный жест, несоответствие в манерах, едва уловимое напряжение в плечах. Он изучал не просто костюмы — он вглядывался в глаза, выискивая в них ту мельчайшую трещину, через которую ложь даёт себя узнать.

Его внимание уже готово было переместиться дальше, когда вдруг зацепилось за пару глаз, смотревших на него из-под маски лунного духа. Слишком пронзительных, слишком осознанных. Ли Вэй чуть склонил голову, рассматривая незнакомку. Всё в ней — от безупречной осанки до плавного поворота головы — кричало о знатном происхождении. Но её взгляд... Он был прямой, тяжёлый, наполненный тихой силой, рождённой в испытаниях. Ли Вэй видел такие глаза лишь у тех, кто прошёл через огонь и не сломался. В нём что-то дрогнуло — холодное и спящее годами. В душе, казалось бы, давно остывшей, будто тлеющий уголёк вспыхнул ярким пламенем, рождая давно забытое любопытство. Ему захотелось не просто наблюдать, а раскрыть её, понять, что скрывается за этой маской.

Фэн Хуан стояла среди гостей, внешне сохраняя полное спокойствие. Она внимала словам церемониймейстера, но всё её существо было напряжено, как тетива лука. Каждым движением, каждым жестом она поддерживала иллюзию знатной дамы, ведя светские беседы, от которых давно отвыкла.

— Правда, господин Ли организовал потрясающий праздник? — восторженно прошептала рядом девушка в костюме феникса, её глаза сияли из-под маски.

— Безусловно, — мягко ответила Фэн Хуан, едва заметным движением кисти указывая на плывущие по озеру огни. — Он превзошёл все ожидания.

— Интересно, в костюме кого же он скрывается? — продолжила девушка с заговорщицким придыханием.

Уголки губ Фэн Хуан дрогнули в лёгкой, почти невидимой улыбке. Она наклонилась к собеседнице, и её шёпот прозвучал томно и ободряюще:

— У вас впереди вся ночь, чтобы разгадать его маску.

Именно в этот момент она ощутила на себе тяжёлый, изучающий взгляд. Чужое внимание коснулось её с такой интенсивностью, что стало почти физическим. Но годы вынужденной скрытности и самоконтроля сделали своё — она не дрогнула, не обернулась, не выдала и тени осознания.

Ли Вэй двинулся следом за потоком гостей, позволив ему увлечь себя к озеру. Он не спешил, его движения были плавными и незаметными. Медленно, но уверенно он приближался к той, что в образе лунного духа притягивала его взгляд. Он остановился в двух шагах, отделённый от неё парой случайных гостей. Пока его руки совершали ритуальные движения — принимая от слуги тонкую восковую свечу, склоняясь, чтобы зажечь от неё пламя в одной из медных чаш, — всё его внимание было приковано к ней. Он следил за ней боковым зрением, отмечая каждый жест, каждый поворот головы.

Фэн Хуан сделала шаг к самой кромке воды, где тёмная гладь озера, подёрнутая рябью, поглощала и искажала отсветы сотен огней. Зажав в пальцах свечу, она наклонилась, поднесла огонёк к масляной поверхности чаши. Вспыхнув, пламя осветило её руки и на мгновение бросило золотистый отсвет на фарфоровую маску. Лёгким движением она отправила плотик в плавание, и горящая чаша медленно отплыла от берега, смешивая свой свет с другими.

И тут её пронзило щемящее, почти физическое чувство. Память, которую она так тщательно хоронила, нахлынула внезапно и мощно: тёплый свет из прошлого, беззаботный смех в саду её детства, лица, которых больше нет. Она застыла, и её взгляд непроизвольно утонул в тёмной воде, ища ответа в её таинственной глубине.

Сердце её на мгновение замерло. Среди танцующих бликов и теней ей почудились очертания дорогих, любимых черт. Она увидела — или ей показалось, что увидела, — улыбку матери, строгий взгляд отца... Фэн Хуан резко моргнула, пытаясь стряхнуть наваждение. В этот миг по воде пробежала лёгкая рябь, и видение рассыпалось. В тёмном зеркале озера, искажённом кругами, осталось лишь одно отражение — одинокое и загадочное, в маске лунного духа, которая смотрела на неё пустыми глазами.

Когда последний огненный лотос вспыхнул на воде, церемониймейстер возвестил о начале танцев. Гости плавно переместились на специальную площадку с отполированным до зеркального блеска деревянным настилом, раскинувшуюся между озером и павильоном.

Начался медленный, гипнотический танец «Блуждающих Духов» — церемониальный групповой ритуал с простыми, повторяющимися движениями, позволявший каждому гостю легко влиться в общий поток. Ли Вэй двигался по предписанному кругу, но его внимание целиком принадлежало загадочной фигуре в одеяниях лунного духа. Он чувствовал каждый её жест, каждый поворот, будто между ними уже была протянута незримая нить.

Когда музыка сменилась — уступив место ритмичным барабанам и томным переливам флейты, — атмосфера мгновенно преобразилась. Церемониальная строгость уступила место живому веселью. Площадка заметно опустела: многие гости, смеясь и шепчась, разбрелись по саду, погружившись в увлекательную игру угадывания масок. Но те, кого манил танец, остались.

Именно в этот момент Ли Вэй мягко, но неотвратимо преградил путь лунному духу. Он возник перед ней словно из ниоткуда, и его рука с раскрытой ладонью протянулась в безмолвном, но властном приглашении.

— Говорят, — его голос прозвучал тихо, но отчётливо, заглушая шум толпы, — если лунный дух почтит «Ночь Огненных Лотосов» своим присутствием, будущее будет благосклонным.

Фэн Хуан ответила ему изящным движением, приняв приглашение, но избегнув прикосновения к его ладони. Этот голос вызвал смутный отзвук в памяти, но она не могла его сразу распознать.

— Поистине поэтичное поверье, — её собственный голос прозвучал ровно и мелодично. С этим она сделала лёгкий шаг вперёд, занимая место рядом с ним, готовая к танцу.

— Поэзия — это лишь начало. Гораздо интереснее то, что скрывается за ней. Как и за маской, — его губы под маской тронула едва заметная улыбка. Он позволил себе на мгновение сократить дистанцию между ними.

— А что, если маска и есть истинное лицо? — её голос прозвучал тише, буквально потонул в звуках ритмичной мелодии.

Ли Вэй сделал шаг вперёд. Фэн Хуан отступила, скрыв лицо за свисающим рукавом, и тут же начала ответное движение. Она обошла его сбоку, и шёлк её одежды едва не коснулся его плеча. В воздухе повис лёгкий запах сандала с чем-то неуловимо знакомым. Они двигались рядом, почти синхронно. Маски оказались так близко, что он мог разглядеть тонкие узоры на фарфоре. Он попытался встретиться с ней взглядом, но её глаза были устремлены куда-то вдаль, за пределы танцующих. Между ними не было ни единого прикосновения, но напряжение ощущалось почти физически. Он искал в ней разгадку, а она оставалась недоступной, открывая ровно столько, сколько считала нужным. Их танец больше походил на поединок.

Стоило последним нотам смолкнуть, Фэн Хуан, едва соблюдая формальность поклона, стремительно растворилась в толпе, покинув танцевальную площадку. С каждым мгновением она всё острее чувствовала — человек под маской волка ей знаком. Его низкий тембр голоса будил в памяти давно забытые отголоски, а каждое движение отзывалось смутным, но настойчивым эхом прошлого.

И когда в памяти всплыло их последнее па — тот самый широкий, размашистый жест его руки, — Фэн Хуан замерла в тени раскидистого дерева, будто вкопанная. Этот характерный взмах, резкий и уверенный, принадлежал только одному человеку на свете — Ли Вэю.

3. Взгляд, узнанный сквозь маску

Фэн Хуан горько и беззвучно усмехнулась. Конечно, она знала, что Ли Вэй будет здесь — он хозяин этого праздника. Она даже допускала возможность мимолётной встречи, но надеялась, что маски и течение десяти лет станут достаточной защитой. Что они, как два корабля в ночи, разойдутся, не узнав друг друга.

Десять лет — срок, способный изменить всё. Сама Фэн Хуан, прошедшая через горнило рабства и поднявшаяся с самых низов до капитанства, думала, что её прежняя кожа, тонкая и чувствительная, давно огрубела и сменилась новой. Она была уверена, что похоронила не только своё прошлое имя, но и все связанные с ним чувства, включая те, что когда-то питала к Ли Вэю.

Но сегодняшняя ночь, с её дурманыщими ароматами и мерцанием огней, будто отперла наглухо запертую дверь в её душе. Слишком многое возвращало её назад.

Она бросила быстрый, оценивающий взгляд по сторонам. Серебристой маски снежного волка нигде не было видно. И это отсутствие странным образом беспокоило её сильнее, чем его присутствие. Фэн Хуан почувствовала тревожное щемление в груди — будто сквозь многолетнюю, нарощенную броню цинизма и расчёта пробивался старый, давно забытый росток. Тот самый, что когда-то питался надеждами, нежностью и доверием и был безжалостно выкорчеван в тот день, когда тётка Инлун отдала приказ, а её муж, Цзи Кэдао, продал её, как скот.

«Призраки прошлого не должны мешать делам настоящего, — мысленно проговорила она, возвращаясь к реальности. — Сюэ Лань умерла много лет назад. Сегодня здесь только Фэн Хуан».

С этим осознанием к ней вернулась ясность мышления. Она бросила профессиональный взгляд вокруг, оценивая расположение охраны и возможные пути отступления. План был тщательно проработан, и никакие личные воспоминания не могли помешать его выполнению. Веера «Танец Феникса и Дракона» ждали её.

Ли Вэй не успел ничего предпринять. Незнакомка в костюме лунного духа исчезла с танцевальной площадки так стремительно, что это было похоже на бегство. Словно испуганная лань, она растворилась в толпе, оставив его с нарастающим чувством недоумения и тревоги.

Он сошёл с отполированного до блеска настила на песчаную дорожку, ведущую к озеру. Его взгляд беспокойно скользил по силуэтам гостей, но разыскать ту единственную фигуру ему не удавалось. Однако навязчивое ощущение, что эта женщина ему знакома, не просто не покидало его — оно с каждой минутой становилось всё острее. Он поднял правую руку, согнутую в локте, и бессознательно потер пальцы друг о друга, будто это простое действие могло помочь ему найти разгадку.

Сделав шаг в сторону, он уставился на озеро, чья тёмная вода мерцала отражениями сотен плавучих огней. В его сознании начали всплывать обрывки воспоминаний, складываясь в подозрительно знакомую картину. Её манера двигаться, лёгкий шлейф сандала с горьковатой нотой, скрытая напряжённость в голосе, тот самый взгляд, который она так тщательно прятала во время их танца... И вдруг, словно вспышка, перед ним возникла деталь: элегантный взмах рукой, изящные длинные пальцы, и он замер — указательный палец правой руки, чуть выступающий над средним.

Учитель танцев когда-то постоянно делал ей замечания по этому поводу. Она пыталась исправиться, но в конце концов привычка оказалась сильнее. Ли Вэй перестал дышать. Эта маленькая, ничтожная особенность вспыхнула в его сознании ослепительным пламенем, выжигая все сомнения. Так всегда делала только Сюэ Лань.

Он запомнил этот жест навсегда, ведь они вместе, как помолвленная пара, месяцами репетировали парные танцы к праздникам — к Фестивалю Весны и Дню Драконьих Лодок.

Ли Вэй резко развернулся, его глаза с новой яростью принялись искать в толпе маску лунного духа. Разум отказывался верить, что это могла быть она. Но этот характерный жест, её движения, которые так пугающе синхронно совпадали с его собственными, будто они снова стали теми юными влюблёнными, готовящимися к выступлению. Всё в ней кричало: «Это Сюэ Лань!»

Единственное, что не сходилось, — её голос. Он звучал слишком ровно, слишком отстранённо и холодно, лишённый той тёплой, живой трепетности, что он так хорошо помнил. Но Ли Вэй лишь покачал головой, отбрасывая и это сомнение. Он не знал, через что ей пришлось пройти за эти десять лет. Любой голос мог огрубеть и измениться до неузнаваемости за такое время. Теперь желание найти её и сорвать с неё маску стало в нём настоящей одержимостью.

Пока Фэн Хуан призраком скользила между гостями, уклоняясь от настойчивого внимания Ли Вэя, Бай Ин готовился к своему выходу. Воспользовавшись всеобщим движением к озеру для зажжения огней, он ловко сменил одежду слуги на роскошный наряд Лиса, поправив на лице полумаску как раз к началу ритуального танца. Годы уличных выступлений не прошли даром — он легко влился в хоровод, его движения были отточенными и естественными.

С истинно лисьей грацией Бай Ин включился в светскую игру, мастерски ведя легкомысленные беседы и переходя от одной группы гостей к другой. Когда атмосфера праздника достигла пика, а гости расслабились под воздействием изысканных закусок и рисового вина, артист приступил ко второй части плана.

Сначала его смех стал чуть громче, шутки — рискованнее. А когда музыка на мгновение затихла, он с нарочитой театральностью опрокинул свой кубок, и тёмное вино растеклось по воде причудливыми узорами.

— О, простите, о великие духи! — воскликнул он, воздев руки. — Это не вино пролилось — это жертва речному дракону! Разве вы не видите? Он здесь, извивается в дрожащей воде!

Отбросив пустой кубок, Бай Ин начал диалог с воображаемым духом, с жаром указывая на винное пятно. Его голос крепчал с каждым мгновением, жесты становились всё более выразительными. Сначала гости смотрели с недоумением, но актёрская убеждённость Бай Ина была столь совершенной, абсолютная вера в собственный вымысел так искренна, что постепенно недоумение сменилось любопытством, а затем и робкой верой в происходящее чудо.

— Дух ночи подарил мне горсть лунного света! Смотрите!

Бай Ин, словно настоящий маг, совершил несколько загадочных пассов руками — и в его пальцах вспыхнули и погасли призрачные огоньки. Заранее спрятанные в рукаве частицы светящегося состава позволили ему создать иллюзию игры с лунным светом. Затем он с актёрским шиком бросил этот «свет» в воду, и в тот же миг по условленному сигналу несколько плавучих фонариков вспыхнули неестественно ярко, сменив привычное оранжевое свечение

на загадочное синеватое. Эту замену обычных свечей на химические составы он провёл ещё днём, проникнув в поместье под видом слуги.

Гости замерли в изумлении. Бай Ин играл с самой сутью праздника, со стихиями огня и воды, и в этот момент все взгляды — от восхищённых глаз знати до бдительных стражей и даже настороженного Ли Вэя — были прикованы только к нему. Он стал центром этой ночной вселенной.

Пока гости всё ещё находились под впечатлением от магии, Бай Ин использовал момент. Он заметил одну из знатных дам в маске цилиня и с преувеличенно галантным поклоном протянул ей руку:

— Прекрасная госпожа! Даже духи реки замерли, глядя на вашу красоту. Не удостоите ли вы одного из них танца?

Молодая девушка счастливо улыбнулась и, вложив свою руку в его ладонь, сделала шаг вперёд. Бай Ин начал невероятно живой, импровизированный и немного безумный танец, кружа свою партнёршу и вовлекая в свой водоворот других гостей. Хаотичное и весёлое движение подхватило толпу, и праздник окончательно превратился в шумный карнавал — идеальные условия, чтобы потерять в суматохе одного гостя в маске лунного духа.

Фэн Хуан не сдержала короткой, одобрительной улыбки, наблюдая, как Бай Ин в костюме Лиса разыгрывает свой ослепительный спектакль. Она не ошиблась в нём — он был рождён для этого. Жаль, что миссия в поместье Ли не позволяла ей остаться и насладиться зрелищем до конца.

Но долг есть долг. В тот самый миг, когда все взоры — от простых гостей до стражей — приковала к себе разыгравшаяся у озера феерия, Фэн Хуан воспользовалась моментом. Бесшумной тенью она отделилась от толпы, скользнула в густую тень плакучих ив и, не замедляя хода, лёгкой, струящейся походкой устремилась к тёмному силуэту павильона. Там, в кабинете следователя по особым поручениям, её ждала цель. И ничто — ни воспоминания, ни призраки прошлого — не могло её остановить.

В отличие от остальных гостей, Ли Вэй не поддался на искусный спектакль. Поначалу он с холодным интересом наблюдал за вычурными па Бай Ина, но чем ярче разгоралось представление, тем сосредоточеннее становился его взгляд. Вскоре он и вовсе перестал смотреть на Лиса. Его внимание, острое и безжалостное, скользило по толпе, выхватывая из-под масок малейшие признаки беспокойства или неестественности. Казалось, за вечер он успел мысленно зафиксировать каждую фигуру, каждый костюм.

И тогда он уловил его — едва заметное движение в периферическом зрении. Лёгкая, как дымка, тень, отделившаяся от общего потока. Не меняя выражения лица, Ли Вэй плавно двинулся следом, выдерживая идеальную дистанцию — достаточно близко, чтобы не упустить, и достаточно далеко, чтобы оставаться невидимым в своей слежке.

Пятно цвета увядшей лаванды мелькнуло в арке, ведущей к жилому крылу, где располагался его кабинет. На губах Ли Вэя дрогнула чуть заметная, хищная улыбка. В её уголках читалось нечто большее, чем просто предвкушение поимки нарушителя. Это была усмешка охотника, который наконец-то учуял верный след и теперь с наслаждением предвкушал кульминацию погони.

Осторожно приоткрыв тяжёлую дверь, Фэн Хуан скользнула в кабинет. Воздух здесь был неподвижным и густым, пропахшим старыми фолиантами, сандаловой тушью и едва уловимой горьковатой нотой старого дерева. Её взгляд, выхватывая детали в полумраке, скользнул по стенам, по уходящим ввысь стеллажам, доверху заставленным свитками и книгами. В центре комнаты, озарённый лунным светом из высокого окна, стоял массивный письменный стол.

Фэн Хуан бесшумно приблизилась к нему. На столе царил безупречный, почти стерильный порядок: аккуратные стопки бумаги, кисти, разложенные по размеру, тушечница из чёр-

ного камня. И тут её внимание приковал один-единственный лист, лежащий чуть в стороне. На нём углём был выведен незаконченный портрет. Портрет юной Сюэ Лань.

Она застыла, будто поражённая молнией. Вся её воля, всё напряжение мгновенно испарились, оставив лишь щемящую пустоту. Рука сама потянулась к бумаге, и кончики её пальцев легонько коснулись линии щеки — той самой, что он так и не успел дорисовать. Горькая усмешка вырвалась у неё наружу. Судьба порой являла такие жестокие и точные насмешки. Резким движением, будто обжигаясь, она отдернула руку и отвернулась, силясь отогнать нахлынувшие воспоминания.

А в щель приоткрытой двери за ней с холодной сосредоточенностью наблюдал Ли Вэй. Он видел каждый её шаг, видел, как она замерла у стола, видел, как её пальцы с нежностью коснулись портрета. Он не дышал, превратившись в слух и зрение, весь — в ожидании. Он ждал её следующего шага.

В глубине кабинета, в стенной нише, стояла застеклённая витрина, где на алом бархате покоились древние артефакты. Фэн Хуан шагнула к ней, не отрывая взгляда от цели — двух вееров, белого и чёрного. Инкрустированные лунным жемчугом, они мерцали в полумраке. Остальные реликвии её не интересовали.

Она провела пальцами по холодному стеклу, словно ощущая сквозь него ауру желанной добычи. Зная, что подобные реликвии никогда не хранятся без защиты, она отвела взгляд от витрины. Её внимание привлекла шахматная доска на низком столике по соседству. Фигуры из тёмной яшмы и светлого нефрита были расставлены в незаконченной партии. Фэн Хуан узнала этот набор — когда-то такой же был у её отца. Расположение фигур было не игрой, а ключом к ловушке. Одно неверное движение — и механизм защиты сработает.

Опытным взглядом она оценила позицию. Гармония композиции была нарушена: нефритовый дракон занимал не свою клетку. Ловким движением она передвинула фигуру на нужное место. Послышался почти неслышный щелчок — замок на витрине открылся.

Именно в этот момент, когда Фэн Хуан с холодным спокойствием протянула руку к веерам, в кабинете появился Ли Вэй. Бесшумно приоткрыв дверь, он скользнул внутрь и, пользуясь её сосредоточенностью, начал приближаться, оставаясь в тени.

— Что забыл лунный дух в обители снежного волка? — раздался за её спиной низкий голос Ли Вэя.

Фэн Хуан резко обернулась, за спиной у неё уже были веера. Её поймали с поличным, но сдаваться она не собиралась.

— Ничего особенного. Просто гуляла и увидела, как из этой комнаты исходит особый лунный свет, — ответила она, стараясь придать голосу беззаботность.

— И это оправдывает кражу древних реликвий? — Ли Вэй сделал шаг вперёд.

— Какая кража? Я всего лишь... хотела ненадолго взглянуть на них, — Фэн Хуан отступила, оценивая расстояние до двери.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в усмешке, но его взгляд, горящий сквозь прорези маски, был безжалостен.

— В таком случае... вам следовало попросить. — На последнем слове он ринулся вперёд.

Его атаки были точными и методичными, как и подобает следователю. Он использовал прямолинейные, мощные захваты, стремясь ограничить её движения. Его цель — нейтрализовать: он пытался прижать её к столешнице, схватить за запястья, заблокировать ей путь к отступлению. Каждое его движение было подконтрольным и выверенным, будто он ведёт допрос с помощью физической силы. Он использовал вес своего тела и знание пространства, пытаясь загнать её в угол.

Её стиль был поразительным гибридом, отражающим её двойственную природу. От аристократического прошлого — изящные уклонения, пластичные движения, использование инерции противника. Она скользила между его атак, как тень, её длинные рукава мелькали,

сбивая с толку. Но в её движениях проскальзывала и грубая сила пиратов: короткий, хлёсткий удар ребром ладони, низкий подкат, попытка использовать в качестве оружия всё, что попадалось под руку — свиток с полки, тяжёлую тушечницу. Её ноги были в постоянном движении, она отступала, петляла. Её единственной целью была дверь. Веера, зажатые за спиной, не мешали ей, а будто стали частью её сущности, удлинняя линию её спины и делая повороты ещё более стремительными.

Ли Вэй, уловив ритм её движений, пошёл на риск. Он пропустил её обманный манёвр и рванулся вперёд, когда она сделала широкий разворот, чтобы обойти его. Его пальцы впились не в её руку, а в затылок, нащупывая завязки маски. В последний момент Фэн Хуан попыталась вывернуться, но было поздно. Шёлк лопнул, и маска полетела на пол. И в наступившей внезапной тишине, в лунном свете у окна, он наконец увидел её лицо. Лицо повзрослевшей Сюэ Лань.

— Лань... — имя сорвалось с его губ тихо, но с абсолютной, кристальной уверенностью. Все обрывки, все догадки сложились в единую, неоспоримую картину. Сюэ Лань была жива. Она стояла перед ним, дышала, смотрела на него чужими глазами. Он сделал шаг вперёд.

— Сюэ Лань умерла десять лет назад, — её голос прозвучал твёрдо и холодно.

— Я искал тебя всё это время. Почему ты не дала о себе знать? — не отступал он, впинаясь взглядом в черты, которые когда-то знал лучше собственных. Но от хрупкой, нежной девушки не осталось и следа. Перед ним стояла женщина, выкованная в горниле испытаний. Её твёрдый, почти безжалостный взгляд и огрубевший голос были тому прямым доказательством.

— И что бы это изменило? — в её голосе прозвенела ледяная насмешка.

— Я нашёл бы способ спасти тебя.

Он сбросил свою маску, и перед ней предстало его лицо — всё так же прекрасное, но отмеченное суровой печатью прожитых лет. Жёсткие линии, заострившиеся скулы, взгляд, утративший юношескую мягкость. На мгновение она позволила себе залюбоваться этой новой, суровой красотой, а затем легко рассмеялась — смехом, в котором не было ни капли веселья.

— Это было невозможно, — отрезала она, резким жестом проводя рукой по воздуху, словно отсекая призрачные надежды. — Ты и сам прекрасно знаешь, Вэй. Твоя семья никогда не позволила бы тебе броситься на поиски «падшей» невесты.

Она, выросшая в этих же кругах, понимала всё до мельчайших деталей. Когда тётка с мужем продали её, грязные слухи расползлись по городу быстрее чумы. Даже если бы он, вопреки всему, нашёл её, его клан никогда не принял бы обратно женщину с таким пятном на репутации. Брак с ней стал бы политическим самоубийством для дома Ли.

— Я бы очистил твоё имя, — настаивал Ли Вэй, и в его голосе звучала та самая упрямая уверенность, что когда-то заставляла его часами отрабатывать удары мечами и изучать запутанные дела. Глубоко внутри он понимал: Фэн Хуан права. Логика и расчёт, его верные спутники в работе, безжалостно указывали на невозможность этого. Но та часть его души, что десять лет хранила её образ, отказывалась сдаваться, не желая признавать своё поражение.

— Ты совсем не изменился, — снова рассмеялась она, и в этот раз в смехе прозвучала капля нежности.

Его взгляд скользнул по её лицу, выхватывая тонкие белые шрамы на скуле и у виска — безмолвные свидетельства битв, о которых он ничего не знал.

— А ты? — спросил он, уже зная ответ.

— Как будто ты сам не видишь, — парировала она, и в её глазах вспыхнул вызов. Она не просила жалости и не собиралась оправдываться. Та, кем она стала, была сильнее той, кем была когда-то.

Фэн Хуан внезапным движением ладони резко ударила ему в грудь. От неожиданности Ли Вэй отлетел к столу, опрокинув чернильницу, и тёмные чернила разлились по полу, словно кровь из раны. Не теряя ни секунды, Фэн Хуан распахнула окно и исчезла в ночной тьме сада.

Но Ли Вэй не мог так просто отпустить её. Сбрав волю в кулак, он рванулся вслед. Выпрыгнув в темноту, он помчался за мелькающим среди деревьев силуэтом, почти настигнув её у внешней стены. Его пальцы вцепились в край её шёлкового рукава... И в этот миг из тени возникла мощная фигура Лао Хэя. Короткий, сокрушительный удар рукоятью меча по затылку — и сознание Ли Вэя погасло.

Последнее, что он успел увидеть, — спину ускользающей Сюэ Лань. Последнее, что услышал, — хриплый оклик, обращённый к ней:

— Фэн-ван, скорее!

Придя в себя через несколько минут, Ли Вэй почувствовал не только пульсирующую боль в виске, но и ледяную ярость, смешанную с пронзительной ясностью. Это имя, которое он знал лишь по докладам, — мифический Капитан-призрак, бич торговых путей. И теперь оно обрело лицо. Это была Сюэ Лань. Его Сюэ Лань. Та, что должна была стать его женой.

Он не стал поднимать тревогу. Приказ, отданный сквозь стиснутые зубы, был краток:

— Готовить мой самый быстрый корабль!

Ли Вэй был намерен перехватить её в море. На её территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.